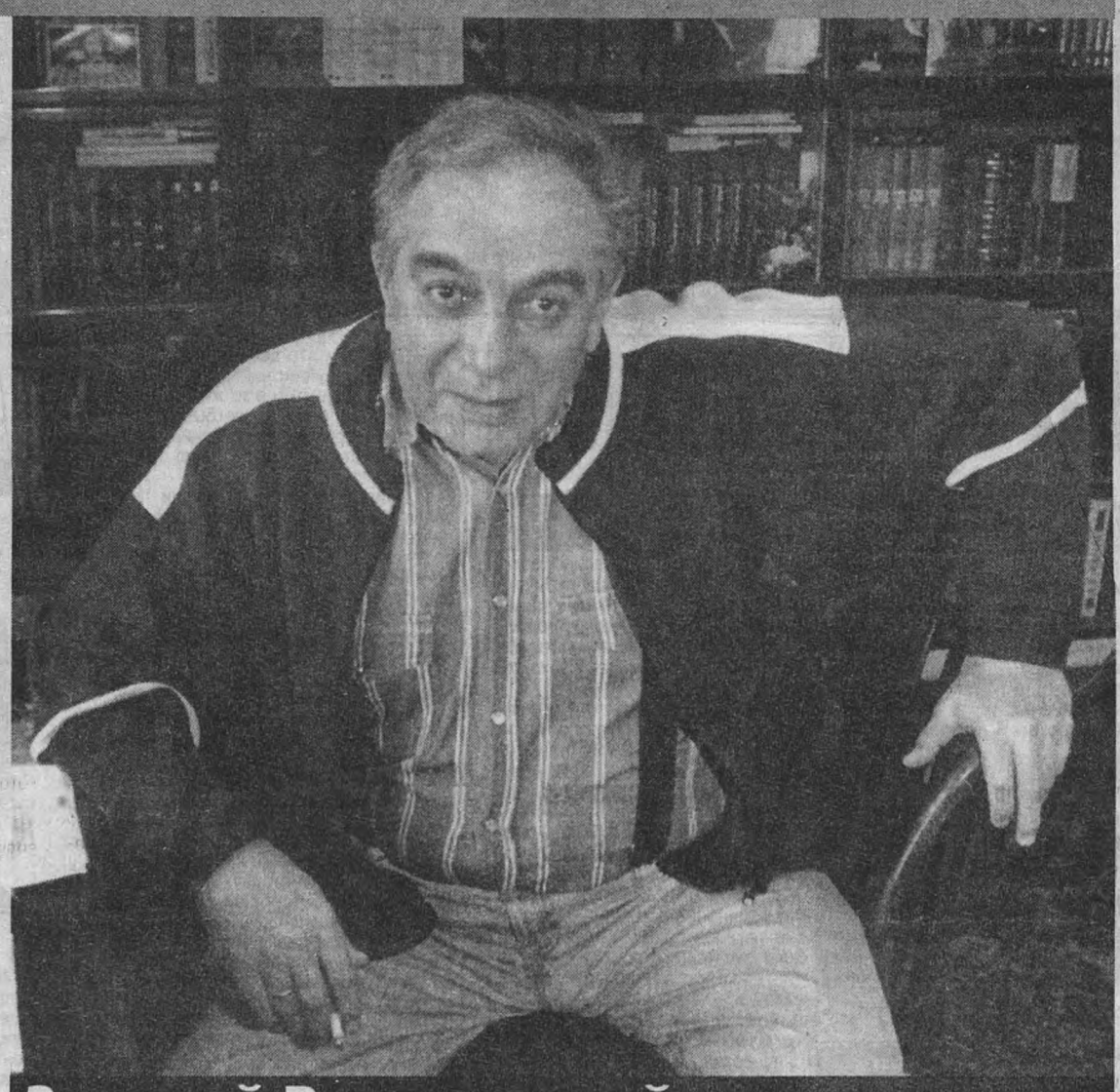
Моск. комсомолец. — 1997. — 8 февраля. — с. 2

БЕЛОЕ ПАЛЬТО С ШЕЛКОВЫМ ВЕНЗЕЛЕМ



Зиновий Высоковский: "Дружба — понятие круглосуточное"

На пороге — маленькая хорошенькая девочка с карими глазами: "А вы к кому? К дедушке? — и, не дожидаясь ответа, в комнаты: Де-да!!!" Деловито проводила меня в кабинет хозяина. Пан Зюзя зашел, дожевывая что-то на ходу.

С огромными паузами. С большими натяжками. Со спора. Так начинался разговор. Мне не терпелось узнать, что за скандал вышел у него 10 лет назад с Плучеком. Почему о нем ходили разговоры, будто он (на сцене — Пан Зюзя, в жизни — Зиновий Моисеевич Высоковский) не равнодушен до женского пола. И правда ли, что... Ах нет, не тут-то было. Он цитировал вырезки из газет, пытался объяснить что-то про наше сумасшедшее время. "Ну, нет, нет, все не так, Зиновий Моисеевич! Кому это нужно?" Пошли курить на лестничную площадку. Там он мне и выдал, что ему неприятен вид диктофона: "Ты его куда-нибудь положи". И так, с совместного перекура с милым матерком и какого-то анекдота, мы и начали.

Как "вешают" портреты в сердце

— Зиновий Моисеевич, но все-таки был скандал с Плучеком?

— Не в этом дело... Дело не в скандале. Я проработал в "Сатире" 21 год. Мне понадобился 21 год, чтобы понять одну истину: Плучек — не мой человек, а я — не его. Я долго не мог сформулировать для себя ответ на этот вопрос: "Почему? Почему я ушел?" И вот только недавно понял. Понимаешь, вполне естественно, что артист, если он хочет работать в полную силу, всегда для этого хочет нравиться своему режиссеру. Да в принципе это же не только в театре — так везде. Однажды я открыл булгаковский "Театральный роман" и нашел ответ на свое "почему": Господи, да как же я могу ему понравиться, если он мне не нравится!

Но я благодарен "Сатире" за то, что столько лет я работал бок о бок с двумя выдающимися людьми — Мироновым и Папановым. Андрюша Миронов — мы с ним "щукины дети", вместе в Щукинском учились — перетащил меня из Театра миниатюр в "Сатиру". А ушел я из него сразу же после смерти Миронова. Тогда в течение 10 дней не стало ни Папанова, ни Миронова. И, глядя на отношение руководства Театра сатиры к этим событиям, я решил уйти.

— Какое же было отношение?

— Когда умер Папанов, театр находился на гастролях в Риге. Мне казалось, что в этот момент нужно отменить гастроли, приехать в Москву и отдать свой последний долг.

— Но гастроли продолжались?

— Да, гастроли продолжались. И Андрей Миронов играл творческие вечера вместо спектаклей, где был задействован Папанов. У нас до Риги был Вильнюс. Анатолий Дмитриевич из Вильнюса улетел в Москву на съемки своего последнего фильма "Холодное лето пятьдесят третьего" и должен был через день вернуться в Ригу. И эта единственная ночь в Москве... Его супруга была с нами, дочь — на даче. Никто не знал, что произошло: Папанов был очень пунктуальным человеком. Когда он не приехал на спектакль, я сразу понял: это смерть... Вообще эти гастроли были чем-то нечеловеческим, это чувствовала вся Рига. Потом, через несколько дней, умер Андрюша. Я не понимал: как же возможно — мир потерял двух таких людей? Мне казалось, что что-то должно измениться. Но театр жил своей жизнью, как будто ничего не произошло. А я уже не мог.

После смерти Миронова и Папанова, я так думаю, Театр сатиры так и не поднялся. До того уровня, что был при жизни Андрея и Анатолия Дмитриевича.

— И куда вы ушли из "Сатиры"?

— Да никуда. Перешел в Москонцерт, на эстраду. В то время там были Махмуд Эсамбаев, Иосиф Кобзон, Геннадий Хазанов. И я сделал спектакль в Театре эстрады, где один-единственный и играл как актер, — "Пятая сторона света". Этот спектакль собрал всю прессу, на него рецензию сам Райкин написал. Всю свою жизнь я боготворил Райкина — для меня его посещение моего спектакля и рецензия были потрясающим подарком. Хотя ведь мы с ним были в дружеских отношениях, у меня есть его фотография с подписью: "Зямочке — моему собрату". Но вот эта вот рецензия в газете — это было для меня выше всяких званий и наград. Вот видишь афишу к тому спектаклю?

На стене — афиши и фотографии. Высоковский встает и показывает на голубой лист: "Пятая сторона света". Видит, что я смотрю не на афишу, а на фотографии.

— Это те, кого я люблю, те, чьи фотографии висят в моем кабинете. Все они "висят" в моем сердце.

— А это кто?

— Моя жена, Володя Высоцкий и Марина Влади.

— Люди, которые "висят" в вашем сердце?

— Да. Райкин и Высоцкий — две плоскости, две недосягаемые величины. Люди, которые прошли через мою жизнь.

— Вы близко знали Высоцкого, дружили?

— Дружба не дружба... Как он говорил: "У нас одинаковый резус крови". Друзьями для него были те, кого **он** считал друзьями. Однажды я в китайском ресторане Нью-Йорка вытащил себе лепешку с предсказанием: "Для того, чтобы иметь друзей, нужно быть одним из них". Володя это понимал буквально: дружба — понятие круглосуточное. Но об этом зачем сейчас рассказывать — зачем говорить о личном? И сейчас в прессе вся эта свистопляска, споры: кто может говорить о Высоцком, кто нет. У меня свое личное отношение к нему, к Миронову, Папанову. Это люди штучные. То, что они делали на съемочной площадке, на сцене, — ну необъяснимо!

Трудно мне все это объяснить. Понимаешь, когда я смотрел на Высоцкого, я понимал: кто-то свыше в него вкладывает то, что он делает и говорит... Я не знаю, стоит ли сейчас спорить, кто имеет право говорить о Володе, — я видел его жизнь изнутри, понимаешь, и я думаю, что он и сейчас со мной.

Как невозможно испачкать белое пальто

— Вас, наверное, близко коснулась история любви Высоцкого и Влади...

— Что значит "коснулась"?

— Ну вот, например, в своей книге Влади пишет, что у Высоцкого в это время был сильный перелом: он много пил.

— Вот фотография. "Шота Руставели", на котором мы плавали. Марина, Володя, моя жена, моя дочь и я. Я купил "Зенит", пленку — я могу тебе рассказывать; у меня, как видишь, документальное подтверждение тому, что мы все дружили. Поэтому слушай. Значит, то, что пишет Марина, — это никто не может оспорить. Почему она это делает, зачем, — это ее жизнь, ее судьба. Она думает так. Я что, буду подтверждать или опровергать? Ты смотри, смотри на эти фотографии! Марина — красивейшая женщина, великолепная актриса. Но даже самая гениальная актриса не сможет **ТАК** сыграть. **ТАК** идет только любовь: слов не нужно, только взгляд — как они смотрят друг на друга! Смотри, вот же фотографии! Это не позы какие-то, это то, что было, то, что я видел своими глазами!

А то, что дальше происходит между двумя людьми, — это только их личные отношения, судьба. И все, что Марина пишет в своей книге, — это, считай, то же самое, что пишет Наталья Гончарова про Пушкина. "Забыли мы, что, уходя с земли, просил поэт Наташу не тревожить. Оставим же в покое Натали..." Это все к тому, что в свое время тоже много было споров: кто Гончарова была для Пушкина, спала ли она с Дантесом? Мы не можем об этом говорить: все это личные отношения двух людей. Я вот так считаю — ведь он сам написал: "12 лет живу, тобой и Господом храним. Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед ним". И кто им после этого судья, кроме них самих?

Володя для того времени совершил недосягаемый подвиг: женился на француженке. Ты же знаешь, какое раньше было время. Когда я в первый раз (мне было 39 лет) в 71-м году улетал в Швейцарию, Марина спросила: "Когда ты будешь в Женеве? Я к тебе приеду". Я изумился: "Как? А визы, билеты, анкеты?" Она засмеялась: "Да что ты! Просто сяду на машину — от Парижа совсем недалеко. Ты что так волнуешься со своими анкетами, визами? Швейцария — такая скучная страна!" И Володя ей говорит: "Марина! Да он еще никогда и нигде за границей не был!"

(Далее, без перехода. — В.С.) Пил, не пил — разве в этом дело? Он был разным человеком. Разным.

— И с вами тоже?

— Ну, я сейчас вообще только о себе могу говорить. Помню один эпизод. Это были постстуденческие годы. Мы с моим Люлько**м (женой. — В.С.)** — она из Ростова, я из Таганрога — снимали углы. Вечное безденежье, вечное веселье, когда три рубля были каким-то верхом блаженства: можно было скинуться и купить водки, пельменей и созвать друзей. Раньше так и было: душа безмятежна, гости, веселье, Люлек мой — вечный борец с этим делом **(щелкает себя по шее. — В. С.)**. И для меня никогда не было особой новостью, если кто-то напивался и падал.

И вот у моей жены — день рождения. Я копил со всех халтур и купил ей белое летнее пальто с ее вензелем "Л. В.". И — в "Арагви" вдвоем. Пошел предосенний дождь, мы поймали такси. И, проезжая по Горького, увидели, как из ресторана Дома актера (где теперь такие салоны-магазины, что страшно подойти и мурашки бегут по спине) выносят Володю. И Люба — вечный борец с бутылками — вдруг говорит: "Останови машину!" Я остановил машину, смотрю: Володю ведут какие-то люди, они приблизительно в таком же состоянии, как он. Они его поднимают — он падает, они его снова поднимают — он опять падает. И я говорю: да поехали, они сами разберутся! А Любка в этом белом пальто вышла, посадила Володю в машину, и мы поехали к нам. Проспались, потом опохмелились. И после этого случая он стал по-другому к ней относиться. Он испытывал к моей жене какое-то трогательное чувство, какую-то нежность, а мне говорил: "А ты ведь меня брать в машину не хотел — пальто белое испачкать побоялся!" Даже через десять лет после того случая, когда мы в очередной раз на корабле плавали, он вспоминал мне белое пальто.

— Вы вот говорите: "Шота Руставели", "на корабле плавали". Что же вы там делали?

— Да как сейчас по Средиземноморью, так раньше плавали в круизы по Черному морю.

— То есть отдыхали так?

— За каюту и харчи. Сейчас же артистов тоже берут в круиз за концерты. Только теперь круизы заграничные, а мы раньше плавали по Черному морю. На корабле, который ходил в кругосветку и который на три месяца приходил в СССР и возил уже наших туристов: Батуми — Сухуми — Одесса — Сочи. И на нем: салат а-ля манте, телефоны в каютах — что там творилось! 780 рублей стоила каюта на неделю (в переводе — 2500 долларов!). И мы все смеялись: давайте мы будем на шлюпках на свои концерты приплывать, а деньги за каюту пусть нам отдают. Мы все тогда раньше работали в таких круизах: и Лева Лещенко, и Иосиф Кобзон, и Миша Жванецкий.

Пойдем покурим?

Как важно не отходить от самого себя

На лестничную клетку из лифта вываливается тетка с коробками: "Мне нужна такая-то квартира". — "Это выше", — говорит ей Зиновий Моисеевич. Тетка впихивается обратно в лифт. Через несколько минут появляется снова. Так же торжественно вываливается с коробками, поправляет вязаную шапку. Словно в первый раз видит нас: "Ой, мне нужна квартира Валентины Талызиной! А это какой этаж?" Высоковский молча подходит к лифту, тетка погружается обратно. Молча он нажимает ей 11-й этаж. Уже из движущейся кабинки слышно: "Да он не туда идет! Не туда! Мне нужна такая-то квартира". Вязаная шапка и коробки больше не появлялись.

— А знаешь, меня ведь в свой театр приглашал Райкин, но я сразу почувствовал, что мне не нужно к нему идти. Потому что я знал, что в театре Райкина существует только один актер — Райкин. Он часто говорил: да что ты там, в Театре сатиры? Давай переходи! И я долго мучился: ну как ему объяснить? И как-то я ему сказал: дело в том, что у меня еще с детства впечатление: как только вы покидаете сцену, даже на несколько минут, — мне сразу становится скучно. И мне страшно: я как представлю, что вы уйдете переодеваться, я останусь один на сцене, — вдруг и мне самому станет скучно от самого себя.

Однажды мы в "Сатире" играли одну пьесу — плохую пьесу, но ее выдвинули на Государственную премию. И весь худсовет мне говорил: вот молодец, отошел сам от себя! После спектакля я был приглашен к Райкину на ужин, и он мне говорит: ты что, так и будешь вот такое вот безобразие играть? Я говорю: как, Аркадий Исаакович! Мне все говорят, что я от себя в этом спектакле отошел! Он сделал долгую паузу, посмотрел на меня и сказал: "Далеко не отходи!"

Как закрыли "Кабачок"

У него в кабинете помимо фотографий и афиш — детские рисунки с надписями: "Любимому дедуле". Книги, плюшевый заяц и часы с боем. В дверь заглядывает кареглазое создание, встретившее меня: "Дедуля, поди на минуточку!" Пока "дедуля" общается с внучкой, я смотрю на газетные вырезки с публикациями о "Кабачке 13 стульев". Любимой передаче наших мам и пап. Зиновий Моисеевич очень ратует за ее воскрешение. С одной стороны, я его не понимаю: мне кажется, время "Кабачка" с его завуалированными актуальными и злободневными темами уже давно кануло в Лету. Ну кому сегодня интересны пан Директор и пани Моника? А потом вспоминаю Хуанов и Педров мексиканского производства, абсолютно несмешные "Клубнички" и "Семейные истории" — нашего. Как уж тут ни крути, а "Кабачок 13 стульев" был первым и самым качественным сериалом на ТВ. Никакие тут Педры, понимаешь, рядом с паном Директором не валялись.

— А правду говорят, что "Кабачок 13 стульев" был любимой передачей Брежнева?

— Это была любимая передача народа. И я, кстати говоря, до сих пор не могу ответить на вопрос: куда девался "Кабачок"?

— Как это "не могу ответить"? Если бывшим начальникам не нравилась эта передача, почему она существовала столько лет? Почему она существовала, если ее перманентно пытались закрыть? И если в конечном счете ее закрыли, значит, был какой-то финальный аккорд?

— Да когда "Кабак" закрыли, были письма, горы писем от зрителей! У "Кабачка" был огромный рейтинг! Это была всенародная передача. Вот ты послушай, как все это произошло.

Знаешь, как меня однажды "Огонек" — уже тогда, при Коротиче, — спросил: "Что было бы, если бы воскрес Высоцкий, и как бы он отнесся к присуждению ему премии?" Я ответил: "Я вам скажу, но вы этого не напечатаете".

— Что же вы сказали?

— Я сказал: "Подите на Ваганьковское кладбище. Извинитесь перед толпой, которая стоит у его могилы. Разгребите гору цветов, которые там лежат зимой и летом, и спросите это — туда, в землю, — нужна ли ему эта Государственная премия. И если бы Высоцкий воскрес хотя бы на один день, то утром бы он написал песню, которую вечером бы пел весь народ. А на следующее утро все — и коммунисты, и демократы, и аристократы — его саморучно бы захоронили. Потому что он был никому не нужен. Кроме вот этого бедного и великого народа".

— Напечатали?

— Конечно, нет.

Так вот, я все это рассказываю к тому, что та же передача "Кабачок 13 стульев", кроме народа, никому не была нужна. Эта передача столько лет продержалась только благодаря своей народности. Передача, где высмеивался и строй, и наши российские замашки — только устами польских панов и панночек. И сотни людей не только включали ТВ, но и приходили в театр посмотреть, как пан Директор выходит из своей машины, а пани Моника проходит из одного конца сцены в другой; жена Брежнева, Виктория, ходила на эти спектакли — что еще можно говорить о популярности "Кабачка"? А руководство Театра сатиры, между прочим, считало это верхом пошлости. Мы звания заслуженных деятелей культуры, представляешь, не здесь, нет, — в Польше получили! Когда нам их вручали, министр культуры Польши сказал: "Нас часто спрашивают: не обижаемся ли мы, что в Советском Союзе много лет идет передача, где паны и пани выглядят балдами? Мы не обижаемся, потому что понимаем, что по первому каналу СССР не может идти передача, где звучало бы: "Товарищ Директор, вы дурак!"

— Как же все-таки случилось, что "Кабачок" прекратил свое существование?

— Как-то перед Новым годом на правительственном банкете Брежнев спросил у тогдашнего руководителя Гостелерадио Лапина: "У меня Вика спрашивает: когда будет следующий "Кабачок"?" И Лапин, не раздумывая, ответил: "3 января". Хотя накануне нам всем сказали, что в январе съемок не будет: нет материала. Мы все разъехались. А Лапин после банкета сразу же отдал распоряжение внести в сетку на 3 января передачу. Нас всех стали искать — кто в Грузии, кто в Одессе, — ну разве всех соберешь за три дня? Тем не менее собрали. И 3-го числа передача вышла в эфир. Но это была первая ласточка, а дальше — больше. И в конце концов все...

— Ну а потом, когда началась перестройка и всякая там гласность, почему "Кабачок" не возродился?

— Вот вопрос, на который я не знаю ответа!

— А я знаю. Потому что "Кабачку" нужны теперь продюсеры, идейные руководители и главное — спонсоры.

— Но вот видишь, на всякие "Антонеллы-Мануэллы" эти самые спонсоры есть.

— Да дело в том, что "Антонеллы-Мануэллы" дешевые, зато в них можно втюхивать много рекламы.

— Мы люди старшего поколения, никто из нас не понимает в этих спонсорствах и продюсерствах ровным счетом ничего. Мы же актеры. Я даже не понимаю: как это — искать спонсоров? Но вот ты представляешь, что бы было, если бы "Кабачок" возродился? Когда сценарий можно было бы написать так, что пан Директор, например, ЛДПровец, пани Моника — демократка, пан Зюзя — "новый русский" еврей — это же никакие "Куклы" не сравнятся! Вот это будет настоящая клоунада, вот это будет дурдом!

Как несерьезно быть серьезным

— Ой-ой, только давайте о политике не будем!

— Нет, один эпизод я тебе сейчас расскажу. Очень показательный. Меня пригласили на передачу. И я сказал там: "Вот мы все нормальные, казалось бы, люди, а впечатление такое, что все мы, нормальные люди, живем в огромном дурдоме, где только один человек имеет справку из психоневрологического диспансера, что он психически здоров. И тот — Брынцалов". А на следующую передачу был запланирован Брынцалов. И они поставили эпиграфом это мое высказывание. Сразу после его передачи у меня дома раздается звонок: "Здравствуйте! Вас беспокоит помощник Брынцалова, он хотел бы с вами переговорить". А я подумал, разыгрывает кто-то, — и отвечаю: "Ну, наконец-то, елки-палки! Я вообще удивлен, что он самый последний мне звонит, все претенденты на пост президента уже позвонили, а он — где он так долго был? Давайте!" Помощник передает трубку, и через секунду я слышу голос Брынцалова: "Зиновий, мать твою, спасибо тебе за рекламу, ёпыть! Я же здесь действительно один, мать-перемать, нормальный и психически здоровый человек. Будь здоров, мать твою!".

- Я вам хочу задать один не очень тактичный вопрос. О вас ведь говорили, что вы большой ценитель женской красоты. Развеете этот миф? Или подтвердите?

Смеется:

— Уж по какой я части и был ценителем, то только по водке. Анатолий Дмитрич Папанов хорошо говорил: "Рожденный выпить е..ть не будет!"

— А часто у вас застолья бывали?

— Почти каждый день. Но я тебе могу сказать: никогда перед спектаклем! В выходные, после игры — это пожалуйста. Но не перед выходом на сцену: этого никто не уважал, и не уважали тех, кто так делал. Это был такой барьер: если и можно выпить, то только после спектакля. Я не знаю, как сейчас... Сейчас ведь другая жизнь. Когда однажды предложили подвезти меня на роскошной машине с охраной, я отказался, сказал, что лучше на своих "Жигулях" доеду. Меня спросили: "Почему?" — "Потому, что мне не очень хочется, — сказал я, — чтобы в газете появилась заметка: был взорван банкир и случайно оказавшийся с ним артист Высоковский". Другая жизнь — другие ценности.

Высоцкий, Высоковский, Люлек, Высоковская-мл. и "Шота Руставели" (фото Марины Влади).

Вика САРЫКИНА.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.